

УДК 398.2
ББК 82.3

«В доме призрак-бездельник...»: фольклорный генезис, структура, функции литературного образа домового

Ирина Николаевна Райкова

(Московский городской педагогический университет:
Российская Федерация, 129226,
г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4)

Рец. на кн.: Бобякова И. В., Ларионова М. Ч. Домовой: фольклорный персонаж в литературе. — Ростов н/Д: Foundation, 2024. — 216 с.

Дата поступления статьи: 03 апреля 2025 г.

Дата публикации: 25 сентября 2025 г.

Для цитирования: Райкова И. Н. «В доме призрак-бездельник...»: фольклорный генезис, структура, функции литературного образа домового. Рец. на кн.: Бобякова И. В., Ларионова М. Ч. Домовой: фольклорный персонаж в литературе. — Ростов н/Д: Foundation, 2024. — 216 с. // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 3. С. 179–183.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.017>

Фольклор и литература, при всей разнице происхождения, бытования, способов сохранения, представляют собой единую национальную культуру, единое семиотическое пространство. Авторы рецензируемой монографии¹ доктор филологических наук М. Ч. Ларионова и кандидат филологических наук И. В. Бобякова справедливо указывают на то, что эта мысль не нова в современной филологической науке, об этом писал еще А. Н. Веселовский, но распространение, теоретическое обоснование и подтверждение она получает только в последние десятилетия в трудах Д. Н. Медриша, Н. И. Толстого,

С. Ю. Неклюдова, А. Н. Власова и др. Добавим, что работы М. Ч. Ларионовой и ее учеников в настоящее время активно разрабатывают данную непростую проблематику в исследовании литературно-фольклорных связей. Вместе с тем конкретные методики описания не только эксплицитных, но и имплицитных взаимоотношений литературы и фольклора и понятийный аппарат таких научных разысканий еще только вырабатываются, что делает рассматриваемую монографию весьма актуальным, своевременным исследованием. Актуальность работе придает и ее междисциплинарность, предполагающая решение

¹ URL: https://www.ssc-ras.ru/uploads/files/2024/12/04/Книжка_Домовой_Ларионова_МЧ.pdf?yclid=m8rh08xncg178373246 (дата обращения: 16.04.2025).

проблемы взаимодействия народной культуры и авторской словесности.

В рецензируемой работе впервые монографически проведен анализ генезиса и этапов формирования образа домового в традиционной культуре, особенностей его функционирования в произведениях русской литературы конца XVIII — начала XXI в. Этим определяется научная новизна монографии. Новаторским является и вклад авторов рецензируемого исследования в понятийный аппарат — введение понятия «культурная матрица». Под культурной матрицей понимается «структурированный и поддающийся описанию массив стереотипизированной культурной информации, реализующийся во множестве фольклорных и литературных текстов; систему воспроизводящихся устойчивых кодов, сеть культурных воспоминаний» (с. 9). Культурная матрица, по мысли авторов работы, формируется в мифологии, перекодируется в фольклоре и художественно трансформируется в литературе. В работе последовательно и ярко изложено, как культурная матрица «домовой» эксплицитно (персонаж назван домовым) и имплицитно (персонаж не назван так, но имеет признаки и выполняет функции домового) проявляет себя в литературном произведении. Нельзя не согласиться с мыслью авторов, что анализ функционирования такой матрицы в литературном тексте позволяет показать устойчивость традиции, ее продуктивность и в индивидуально-авторском творчестве.

Авторы обоснованно исходят из широкого понимания термина «фольклор», которое включает как художественные, так и нехудожественные, как вербальные, так и невербальные явления (былички, поверья, обычаи, элементы обрядовых действий и пр.). Это дает возможность рассматривать как отдельные фольклорные «вкрапления» в литературный текст, так и весь комплекс народных представлений о домовом как часть языка национальной культуры, на котором «говорит» и авторское творчество.

И. В. Бобякова и М. Ч. Ларионова сумели выявить и проанализировать обширный круг литературных текстов, в которых обнаруживается образ домового — эксплицитный (хронологически от героев Василия Майкова и И. И. Хемницера до Б. Ахмадулиной) и имплицитный (от героев И. А. Гончарова до Л. Улицкой).

Монография отличается четкой, логичной, стройной структурой, отвечающей поставленным задачам, написана ясным, сжатым, но емким стилем.

В небольшом разделе «Введение. Несколько слов о методе» раскрываются актуальность, степень научной работанности темы, научная новизна исследования, определяются его методологические принципы. Убедительно обосновывается отбор материала для работы, достаточно подробно и последовательно излагается история вопроса. Даются определения основным понятиям и терминам, необходимым для понимания дальнейшего исследования.

Первая глава «Культурная матрица “домовой”» представляет собой, как можно убедиться, наиболее полный на сегодняшний день и в то же время сжатый, хорошо структурированный свод фольклорных сведений о домовом. Авторы книги тщательно собирают, систематизируют, обобщают имеющийся фольклорно-этнографический материал. При этом достаточно обоснованно выделяют в культурной матрице «домовой» ядро и периферию. Действительно, определенные свойства, функции, признаки фольклорного персонажа наиболее устойчивы в традиции, они стали культурными стереотипами (например, место обитания, внешний облик, формы проявления, сопутствующие предметы — веник и пр.), а какие-то нет (например, его эротические функции) — они остались достоянием отдельных локальных традиций и в большей степени подвержены варьированию. Без первой главы книги две другие не демонстрировали бы сохранение и трансформацию фольклорного материала в литературном процессе так отчетливо.

Вторая глава — «Эксплицитный образ домового в русской литературе» —

на первый взгляд написана в русле традиционного изучения фольклоризма литературы. В ней рассматривается образ домового в художественных произведениях. Однако и здесь есть интересные находки. Во-первых, оказывается, что часто это мистификация, фантом и домовый включается в трикстерские сюжеты. Глава делится на параграфы по принципу, является ли домовый действующим мифологическим персонажем или мистификацией. Во-вторых, что литература далеко не всегда актуализирует ядро культурной матрицы, чаще периферию (например, любовные сюжеты с домовым). А в-третьих, что литература приписывает домовому несвойственные ему в фольклоре функции: он и покровитель вдохновения, и хранитель культуры и самой традиции и т. д. Литература создает и сатирический дискурс о домовом, практически неизвестный фольклору. Таким образом, убедительно показано, что, опираясь на культурную матрицу, но и отталкиваясь от нее, литература создает на существующем языке культуры новые художественные «высказывания».

Позволим себе лишь в порядке дискуссии высказать соображения по поводу стихотворения «Хозяин» Льва Мея (1849). Здесь в фольклорно-песенной коллизии неравного брака (старый, нелюбимый муж и молодая жена), к которой не раз обращался поэт и в других стихотворениях, защитником крепких семейных устоев становится именно домовый («другой хозяин», не спящий ночами). Большую часть стихотворения Мея занимает его уединенный монолог. Оберегая дом седого старика, своего потомка, он встревожен и недоволен тем, что ему досталась жена — «больно черноброва, больно молода <...>, кровь-то говорлива». Подозревая, что она способна на измену, домовый грозит «сшутить с ней шутку»; если и шуткой она «не проймётся», обещает задушить женщину насмерть. В народных поверьях домовый не столь жесток — мучает, но не убивает неверную жену. Казалось бы, читатель должен понять и положительно оценить рассуждения хранителя семей-

ного очага, но домовый Мея не вызывает сочувствия. Авторы рецензируемой монографии справедливо замечают, что домовый здесь защищает противоестественный, насильственный неравный брак: «В таких условиях положение жены оказывается еще более несчастным, поскольку в этом доме ее ждет наказание со стороны представителя нечистой силы» (с. 69). Но мы хотели бы подчеркнуть, что домовый Мея — отталкивающий персонаж и из-за своей изощренной жестокости, и потому, что, похоже, он сам увлечен прелестями молодой красотки, ведь именно его глазами мы видим их в деталях: «губы раскраснелись», «грудь-то высока» и т. п. И грозит нечисть больше от бессилия, нежели по соображениям морали: «Всей косматой грудью лягу ей на грудь / И не дам ни разу наливной вздохнуть...». Налицо тонкая ирония Л. Мея: «грёзой» устами домового поэт эвфемистически называет потенциального молодого любовника героини, давая понять, что, может быть, сам домовый — лишь грёза, морок, ирреальность.

Третья глава — «Имплицитные “домовые” в русской литературе» — наиболее концептуально значима для авторов рецензируемой работы. Теоретический характер проведенного исследования, на наш взгляд, наиболее полно реализован именно в третьей главе. Здесь фольклорный материал проявляет себя имплицитно, без сознательной установки писателей на фольклоризм; домовый представлен как некий «культурный термин», а содержащаяся в нем «свернутая программа» служит основой для создания литературного образа, напрямую не связанного с фольклором. Каждый параграф имеет самостоятельную ценность и позволяет по-новому, в аспекте «неявного фольклоризма» взглянуть на известных персонажей русской классической литературы. Так, в образе Захара, слуги Обломова из романа И. А. Гончарова, выявляются свойства «хранителя», которые подкрепляются множеством предметных деталей (веник, печь и пр.). Более того, от Захара протягивается нить к другому персонажу-хранителю —

чеховскому Фирсу («Вишневый сад»), от него — к другим чеховским персонажам, а от них — к персонажам произведений ХХI в., созданных по мотивам чеховских пьес (проанализированы пьесы Л. Е. Улицкой, В. Н. Леванова и А. И. Слаповского). Выстраивается парадигма литературных образов, имеющих инвариантные признаки, восходящие к культурной матрице «домовой». Несколько особняком стоит анализ повести В. П. Распутина «Прощание с Матёрой», где в образе имплицитного домового-островного Богодула раскрываются черты хранителя не только места, но и памяти, духа прошлого. Представленный материал демонстрирует востребованность и жизненность культурной матрицы «домовой» в русской литературе на протяжении почти трех веков.

Важным дополнением к основной части работы служит краткий обзор представленности образа домового в современном кинематографе (анимационных фильмах по мотивам сказочной повести Т. И. Александровой о домовенке Кузьке) и под влиянием его — в интернет-пространстве. Для полноты картины можно было бы добавить еще обзор использования образа домового (домовенка) в современном брендинге, рекламных текстах и изображениях.

Заключение содержит итоговые выводы, которые еще раз в обобщенной форме представляют ход исследовательской мысли авторов книги и намеченные перспективы исследования. Важнейшая завершающая идея состоит в том, что многочисленные культурные матрицы, подобные матрице «домовой», образуют связи, скрепляющие культуру (в частности, фольклор и литературу) и всю национальную жизнь, позволяющие ей оставаться живым организмом.

Монография содержит обширный (свыше 200 позиций) библиографический список. Отрадно, что авторы в курсе современного исследовательского процесса. Так, если говорить о фольклористике, то помимо известных, авторитетных исследований народной демонологии Л. Н. Виноградовой, М. Н. Власовой, Д. К. Зелени-

на, Н. А. Криничной, Е. Е. Левкиевской, А. В. Никитиной, Э. В. Померанцевой, С. М. Толстой и др. в списке учтена недавняя монография молодого ученого В. Рябова «Русская фольклорная демонология. От оборотней и мертвецов до русалок и огненного змея» (М.: МИФ, 2024. 432 с.).

Вызывает, однако, возражение, что в списке литературы классические фольклорные собрания М. Забылина, И. П. Сахарова, В. И. Даля, С. В. Максимова, И. В. Карнауковой, а также фольклорные сборники ХХ в. («Мифологические рассказы...» В. П. Зинovieва, «Мифологические рассказы...» О. А. Черепановой, «Правдивые рассказы...» К. Э. Шумова, сборники материалов Муромского края, Вятского края, Архангельской области, Нижегородской области, «Народная проза» С. Н. Азбелева из серии «Библиотека русского фольклора» и др.) помещены в раздел «Фольклористика и литературоведение», хотя они явно относятся к источникам. В раздел же «Источники» авторы книги включают только собрания сочинений и другие издания литературных произведений.

Таким образом, монография И. В. Бобяковой и М. Ч. Ларионовой представляет собой оригинальное исследование и вносит серьезный вклад в изучение литературно-фольклорных связей. Теоретическое значение работы определяется возможностью применения ее методологии и методики при изучении художественной реализации других образов и феноменов славянской мифологии в литературных произведениях XVIII–XXI вв., что позволит еще более доказательно представить фольклор и литературу в единстве, как общее культурное пространство. Практическое значение мы видим в использовании материалов книги для комментирования литературных произведений в изданиях, а также при разработке и обновлении содержания специальных курсов, элективных и факультативных занятий, внеаудиторных (внеклассных) мероприятий, посвященных литературно-фольклорным связям, в рамках высшего и среднего образования.

© И. Н. Райкова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Райкова И. Н. <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

Кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента филологии, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета: Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д., д. 4; тел.: +7 (499) 181-24-62; научный редактор научного альманаха «Традиционная культура»; e-mail: Nikolavna@inbox.ru

“There’s a Lazy Ghost in the House...”: Folklore Genesis, Structure, Functions of the Literary Image of the Brownie

Irina N. Raikova

(Moscow City University: 4, 2nd Sel’skokozyaistvennyi pass.,
Moscow, 129226, Russian Federation)

Review of: Bobyakova I. V., Larionova M. Ch. Brownie: Folklore Character in Literature. Rostov n/D: Foundation, 2024. 216 p.

Received: April 3, 2025.

Date of publication: September 25, 2025.

For citation: Raikova I. N. “There’s a Lazy Ghost in the House...”: Folklore Genesis, Structure, Functions of the Literary Image of the Brownie. Review of: Bobyakova I. V., Larionova M. Ch. Brownie: Folklore Character in Literature. Rostov n/D: Foundation, 2024. 216 p. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 3. Pp. 179–183. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.3.017>

© I. N. Raikova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Raikova I. N. <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

E-mail: Nikolavna@inbox.ru

Tel.: +7 (499) 181-24-62

4, 2nd Selskokhozyaistvennyi pass., Moscow, 129226, Russian Federation

PhD in Philology, Docent, Professor, Department of the Philology, Research Director, Institute of the Humanities, Moscow City University; Scientific Editor, Scientific Almanac “Traditional culture”

This is an open access article distributed
under the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY4.0)